

РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН

СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ
КОЛЛЕКЦИЯ
АСТИКИ
ЛЕКЦИЯ
ТИКИ
ЦИЯ
КИ
ИЯ
И
Я

РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН
ВРЕМЯ ДЛЯ ЗВЕЗД

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
X 12

Robert A. Heinlein

TIME FOR THE STARS

Copyright © 1956, 1983 by Robert A. Heinlein, copyright
assigned to The Robert A. Heinlein Library Foundation, 2003.
All rights reserved.

Оформление серии *А. Саукова*

Хайнлайн, Роберт.

X 12 **Время для звезд / Роберт Хайнлайн.** — Мо-
сква : Эксмо, 2014. — 352 с.

ISBN 978-5-699-76545-4

Земля страдает от перенаселенности и истощения природных ресурсов. Выход у людей только один — искать другую планету, пригодную для жизни. Но сообщение с кораблями, передвигающимися со скоростью света, может занять годы, поэтому Фонд Поощрения Перспективных Исследований находит новый способ связи — телепатию.

Близнецы Том и Пэт выступают в качестве связных между Землей и кораблями, но когда один остается на родной планете, другой исследует тайны Вселенной.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Ковалевский В., Штуцер Н.,
перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-76545-4

Глава I

ФОНД ПООЩРЕНИЯ ПЕРСПЕКТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Если верить биографам баловней судьбы, то жизненный путь последних планировался ею чуть ли не с самого момента их появления на свет. Наполеон замыслил захватить власть над Францией еще в те дни, когда босоногим мальчишкой гонял по Корсике, Александр Македонский вел себя примерно так же, а Эйнштейн лепетал свои формулы уже в колыбели.

Может, оно и так. Что же касается меня, то я шел по жизни куда глаза глядят.

В старинной книге, принадлежавшей моему прадеду Лукасу, я однажды увидел карикатуру, на которой был изображен мужчина в роскошном одеянии, прыгающий с лыжного трамплина. С выражением испуганного удивления на лице он будто произносил: «И как это утраздило меня забраться на такую верхотуру?»

Вполне разделяю его чувства. А как это удалось мне взлететь в космические высоты?

Ведь мое рождение даже не было запланировано. По закону семья, имеющая не более троих детей, не облагалась подушным налогом, а в на-

шей семье уже были три девочки, и вдруг появились на свет мы с Патом, так сказать, в одной упаковке, что было в некотором отношении весьма экономично. Мы явились сюрпризом для всех, особенно для наших родителей, наших сестер и налоговых инспекторов. Удивился ли я сам — не помню, но в число ранних воспоминаний входит мое смутное ощущение, что меня тут не очень-то ждали, хотя и па, и ма, и Фейт, и Хоуп, и Чарити относились к нам, без преувеличения, превосходно.

Возможно, па не слишком успешно справился с этим стихийным бедствием. Многие семьи получали льготы на рождение «лишнего» ребенка, пытаясь химичить в этом деле с другими семьями; можно было добиваться дополнительного разрешения при наличии однополых детей или обойти закон как-то иначе. Но па был упрям: он заявлял, что все это законодательство противоречит конституции, что оно несправедливо, дискриминационно нарушает мораль и Божье волеизъявление. Он, бывало, с ходу начинал декламировать длиннющий список знаменитых людей, которые были младшими детьми в многодетных семьях, начиная от Бенджамина Франклина и кончая первым губернатором Плутона, а затем требовал ответа — мог ли человеческий род обойтись без этих персоналий, после чего ма приходилось его долго успокаивать.

Вероятно, па был прав, поскольку он изучил множество предметов, помимо своей собственной специальности, каковой являлась микромеханика, и особенно интересовался историей. Он и нас захотел назвать по имени двух своих самых любимых деятелей американской истории, но мамочка решила дать нам имена обожаемых ею художников. В результате я превратился в Томаса Пейна Леонардо да Винчи Барлетта, а мой брат-близнец стал Патриком Генри Микеланджело Барлеттом. Па звал нас Том и Пат, а ма — Лео и Майкл, тогда как сестры — Никчемучка и Никчемучка в квадрате. Победа все же оказалась на стороне па из-за его упрямства.

А па был жутко упрям. Он ведь прекрасно мог уплатить годовой подушный налог за нас — сверхштатников и подать заявку на квартиру, приемлемую для семи человек, а затем подчиниться неизбежности. Он мог также подать прошение о переквалификации. Вместо этого он ежегодно скандалил, требуя снять с близнецов налог, но постоянно все кончалось тем, что па заполнял чек, на котором надписывал: «Оплачено под давлением», а мы — семеро — продолжали жить в квартире, пригодной лишь для пятерых. Пока я и Пат были младенцами, спали в самодельных колыбельках, подвешенных в ванной комнате, что, естественно, не доставляло удовольствия никому; когда же мы подросли, расположились на диване в гостиной, что опять-

таки было неудобно для всех, и особенно для наших сестер, считавших, будто это губит их личную жизнь.

Па мог бы решить все эти проблемы разом, подав заявку на эмиграцию семьи на Марс, Венеру или на луны Юпитера — тему эту он неоднократно выносил на обсуждение, что было единственным предметом, способным сделать ма упрямей самого па. До сих пор не знаю, какая фаза Большого Прыжка пугала ма особенно сильно, так как она крепко-накрепко сжимала губы и не желала отвечать ни на какие вопросы.

Па любил порассуждать о льготах, причитающихся большим семьям, решившим эмигрировать, и о том, что подушный налог был установлен специально для субсидирования внеземных колоний, и о том, почему бы нам не воспользоваться деньгами, которые просто-напросто украдены из наших собственных карманов. Особо он упирал на преимущества воспитания детей в условиях свободы и отсутствия перенаселенности, в местах, где за спиной человека, зарабатывающего хлеб в поте лица, не стоит бюрократ, только и думающий, как бы ввести новые ограничения и новые правила. «Ну что же ты молчишь?» — говаривал он ма.

Но ма от ответа уклонялась, и мы так и не эмигрировали.

Денег нам никогда не хватало. Два лишних рта и лишние налоги делали законодательство о стабилизированном семейном доходе столь же

беспольным для нашей семьи, как не годились нам с братом костюмчики, перешитые мамой из старых отцовских обносков. Чертовски редко удавалось нам заказывать на дом обеда, как это делает большинство семей, и па стал даже приносить домой то, что оставалось у него от завтрака. Ма поступила на работу, как только нас с братишкой можно было отдать в детский сад, и все равно нашим единственной слугой была древняя модель «Матушкина помощника» производства фирмы «Моррис-гараж», в которой все время перегорали проводники, а на ее программирование уходило не меньше времени, чем на выполнение самой программы. Пату и мне пришлось свести близкое знакомство с теплой водой и химическими средствами для мытья посуды: впрочем, мытье посуды выпадало почти исключительно на мою долю — Пат обычно брал на себя стерилизацию тарелок, или же у него бывал порезан палец, или случалось еще что-то в том же роде.

Па нередко ораторствовал на тему о неосязаемых достоинствах бедности — как они заставляют человека быстрее становиться на ноги, выработывают характер и все такое прочее. К тому времени, когда я вырос настолько, чтобы понимать это, я уже был достаточно смышлен, чтобы почувствовать глубокое сожаление, что эти преимущества столь плохо осязаемы, однако, оглядываясь назад, могу предположить, что кое-какой смысл в словах па все же был. Жить нам

было интересно. Пат и я выращивали хомячков в «местах общего пользования», и ма нас никогда за это не ругала. Когда же мы ванную превратили в химическую лабораторию, девчонки начали было ворчать, но стоило па топнуть на них ногой, как они тут же стали подлизываться к нему, умоляя не сердиться, а потом вывешивали свои постирушки в других местах; ма даже защитила нас от зрителя дома, когда мы спустили в слив кислоту, что отнюдь не содействовало улучшению состояния канализации.

Мне вспоминается только один случай, когда ма на нас рассердилась. Он связан с ее родным братом Стивом, который, вернувшись с Марса, привез нам несколько червей из марсианских каналов, и мы решили их разводить и продавать в надежде на солидную прибыль. Но когда па наступил на одного из них в душевой (с ним-то мы не поделились своими планами), ма заставила нас отнести червей в зоопарк, за исключением того, на которого наступил па, поскольку от него уже не было никакого толку. Сразу же после этого случая мы сбежали из дому, чтобы вступить в Космическую морскую пехоту (дядя Стив служил в ней сержантом-баллистиком), и, когда вранье насчет нашего истинного возраста не сработало и нас водворили обратно в лоно семьи, ма не только нас не бранила, но обнаружилось, что она все время, пока мы отсутствовали, продолжала кормить наших змеенышей и шелковичных червей.

О, полагаю, мы были счастливы! Трудно судить о вещах, относящихся к таким давно прошедшим временам. Пат и я были очень близки, и все шалости задумывались и исполнялись нами обоими. Однако я хочу, чтобы вы ясно понимали: быть близнецами вовсе не значит, что у вас отношения как у этих мифических Дамона и Финтии, о которых вам столько наболтали слюнтяи-писатели. Разумеется, близость возрастает от того, что вы вместе родились, делите одну и ту же комнату, вместе едите, вместе играете и вряд ли вообще, насколько вы помните сами и как вам говорили свидетели ваших младенческих лет, когда-либо и что-либо делали порознь... Да, ваша зависимость друг от друга растет. Вы почти не можете жить врозь, но это вовсе не означает, что вы питаете к своему брату такую уж беспредельную любовь.

Я хочу, чтобы здесь не было никаких недо молвок, ибо насчет близнецов наплели уйму всякой чуши с тех пор, как они неожиданно приобрели такое большое значение. Поймите: я — это я, а вовсе не мой братишка Пат. И я всегда знал, кто из нас кто, даже если все остальные не могли отличить нас друг от друга. Он правша, а я левша. Кроме того, с моей точки зрения, я тот самый, кому всегда доставался меньший кусок пирога.

Я даже припоминаю случай, когда Пат успел благодаря своей ловкости ухватить оба куска. Заметьте, это не общие слова: я говорю о совер-

шенно конкретном песочном торте с шоколадной глазурью. И о том, как Пат ловко провернул дело таким образом, что стянул и мой кусок, причем ма и па, несмотря на мои протесты, были твердо уверены, что никто из нас не был обделен. Сладкое может казаться исключительно серьезным делом, когда вам всего восемь лет, а нам в тот момент было именно столько.

Я вовсе не хочу показаться нытиком и ябедой... но, говоря по правде, до сих пор чувствую, как горло мне перехватывает гнев, несмотря на разделяющие нас годы и мили, когда я вспоминаю, как меня наказали из-за того, что па и ма решили, будто это я и есть тот, который пытается стянуть две порции пирожного. Сейчас я просто стараюсь быть честным перед самим собой. Доктор Деверо велел мне писать дневник со всей откровенностью, на которую я способен, и посоветовал начать с того, каково это — быть близнецом. Вы же не близнец, правда? А даже если и близнец, хотя сорок четыре шанса против одного, что это не так, то, скорее всего, разнойцевый, тогда как мы с Патом — однойцевые, что еще раз в четыре снижает ваши шансы на владение одинаковым с нами опытом.

Говорят, будто один из близнецов всегда отстает от другого в развитии. Я так не думаю. Пат и я были похожи как два ботинка из одной пары. В тех редких случаях, когда между нами обнаруживались различия (я, например, обгонял его на дюйм по росту или на фунт по весу), эта разница

быстро выравнивалась. В школе мы получали одинаково хорошие отметки; зубы у нас прорезались одновременно. Однако у Пата был сильнее развит «хватательный» инстинкт, чем у меня. И еще было в нем нечто такое, что психологи называют «стремлением к доминированию». Различие это столь тонкое, что обнаружить его трудно, и посторонним оно почти незаметно. Могу сказать, что возникло оно внезапно, на ровном месте, а затем стало столь прочным, что характер сложившихся между нами отношений мы уже не могли изменить, даже если бы и попытались это сделать.

Думаю, если бы акушерка приняла меня первым, то наверняка я стал бы тем, кому достается лучший кусок пирога. Впрочем, возможно, так оно и случилось: откуда мне знать, как это у них все происходило.

Только не думайте, что быть близнецом плохо, даже если вам, так сказать, достаются только вершки; в основном это прекрасно. Вы попадаете в толпу чужих людей, вам среди них страшно и неуютно, но в двух футах от вас шагает близнец, и вы сразу же перестаете ощущать свое одиночество. Или кто-то вдруг врежет вам в челюсть, и, пока у вас голова идет кругом, ваш близнец уже дает сдачи обидчику — и победа на вашей стороне. Вы провалили контрольную, братишка — тоже, и значит, опять вы не одиноки.

Не следует думать, однако, что иметь брата-близнеца — это все равно что иметь близкого и

верного друга. Ничего подобного! Хотя, конечно, в определенном смысле близнец роднее, чем друг.

Пат и я вступили в первый контакт с Фондом Поощрения Перспективных Исследований (ФППИ) в тот день, когда прямо к нам домой заявился этот самый мистер Гикинг. Мне он совсем не понравился. Па мистер Гикинг тоже не понравился, и он намылился выставить его как можно быстрее, однако тот уже успел утнестдиться за столом с чашечкой кофе — понятия ма о правилах гостеприимства отличались непоколебимой строгостью.

Таким-то образом мистер Гикинг и получил возможность высказаться. Он, по его словам, был местным агентом «Генетических исследований».

— А что это такое? — сухо спросил па.

— «Генетические исследования» — научно-исследовательское агентство, мистер Барлетт. В настоящее время оно осуществляет проект, заключающийся в сборе данных о близнецах. Этот проект представляет большой интерес для общества, и мы надеемся, что вы не откажетесь от участия в нем.

Па набрал в грудь побольше воздуха, вытаскивал тот воображаемый ящик из-под мыла, который у него всегда наготове, взобрался на трибуну и принялся вещать:

— Опять это правительство сует нос куда его никто не просит. Я — порядочный гражданин, я

аккуратно плачу по своим счетам и содержу свое семейство. Мои дети ничем не хуже прочих детей, и меня просто с души воротит, как подумая об отношении к ним правительства. Я не желаю, чтобы их тыкали, кололи и изучали ради удовольствия какого-нибудь бюрократа. Мы хотим только одного — пусть нас оставят в покое и пусть государство признает очевидный факт, что мои сыновья имеют столько же права дышать воздухом и занимать пространство, как и любой другой человек.

Па вовсе не глуп, просто его реакция на проблемы, касающиеся нас с Патом, столь же автоматична, как реакция собаки, которая слишком часто получала пинки. Мистер Гикинг пытался было его успокоить, но па останавливать безнадежно, раз уж он завел свою волюнку.

— Передайте департаменту контроля численности населения, что я не потерплю их «генетических исследований». И чего они намереваются ими достичь? Вернее всего, как предотвратить появление близнецов? А чем плохи близнецы? Чем был бы Рим без Ромула и Рема? Ну-ка ответьте мне! Мистер, а вам известно, сколько...

— Мистер Барлетт, прошу извинить, но я не имею отношения к правительству.

— А? Так почему же вы сразу этого не сказали? Тогда от кого вы?

— «Генетические исследования» — это агентство Фонда Поощрения Перспективных Исследований.